

КРИЗИС СОВЕТСКОЙ НАУКИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС (КОНЕЦ 1970-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)

В.С. Балакин

В статье рассматриваются особенности процесса институционализации советской науки. Центральной проблемой стал анализ причин слабой восприимчивости науки к социальным нововведениям. Раскрываются как мировоззренческие стереотипы ученых, так и существующие модели классического конформизма, перерастающие в «идеологический цинизм». В заключительной части статьи анализируется тип социокультурной коммуникации утвердившийся в научной среде.

Ключевые слова: советская наука, институциональный процесс в науке, конформизм, мировоззрение, стереотипы.

Трансформация Российской науки как самостоятельного социального института осмыслена еще недостаточно. В современной социальной науке понятие «институт» трактуется более широко, чем термин «учреждение» или «организация». В трактовке термина «социальный институт» используется и категория – «институция», которая понимается как воплощение определенных моделей поведения, образа мыслей, стиля жизни передаваемых из поколения в поколение. Сам процесс упорядочения, формализации и стандартизации общественных связей и отношений называется институционализацией. Таким образом, социальный институт науки это механизм, обеспечивающий набор постоянно повторяющихся и воспроизводимых социальных отношений и социальных практик людей в сфере исследовательской деятельности.

Советская система науки оказалась в конце 1970-х – начале 1990-х гг. устойчивой к изменениям и инерционной. Видимо это было связано не с функционированием «учреждений» и даже не с сокращением финансирования [6, с. 20], а с другими проблемами. Во-первых, следует обратить внимание на мировоззренческие стереотипы большей части ученых. Рациональные представления ученых, как гуманитариев, так и естественников отличались утопичностью и трагическим непониманием «общества в котором мы живем». В литературе уже обращалось внимание не только на преобладание в сознании научных работников эмоционально-чувственного компонента, но и на «вторичную институционализацию советской науки. В ходе, которой место идеологических стереотипов занял «идеологический цинизм» [8, с. 109].

Важным аспектом менталитета ученых, нашедшие отражение в социокультурных установках и стереотипах мышления, была политизация предмета общественных наук и социальной действительности [3, с. 6–7]. Поэтому, рассматривая например догматический характер реакции ряда преподавателей-философов на теоретические новации, следует отметить ее взаимосвязь с эмоционально-чувственным отношением к философским проблемам.

Вопрос о специфике ценностей и особенностей их эволюции является недостаточно изученным. Понятно, что мировоззрение ученых в советскую эпоху было идеологизированным. Однако изменения и большие происходили. Начало этой эволюции, например академик Г.А. Арбатов, связывал с решениями XX съезда КПСС. Вместе с тем, эта эволюция произошла, пожалуй, лишь с меньшинством научных работников. Документальная база архивов показывает на абсолютное преобладание в 1970-е – начале 1980-х гг. охранительно-догматического типа мышления. Эта тема может быть раскрыта на основе дискуссии «товарников и антитоварников», «формационщиков и цивилизационщиков», «позитивистов и постмодернистов». Принципиальным также является вывод о том, что как в 1970-х, 1980-х так и в 2000-х сами ученые вынуждены были констатировать, что в отношении выше перечисленных дискуссионных проблем у них складывается впечатление, что эти дискуссии многих «так и ничему не научили» [2, с. 311, 313].

Основные разногласия между научными работниками в это время в большинстве случаев не были связаны с различным пониманием теоретических вопросов, особенностями развития научных категорий. Многие научные работники были абсолютно уверены в том, что разные точки зрения на философские, социальные и гуманитарные проблемы не могут существовать в принципе, что есть только одно правильное мнение – партийное (классовое). В дальнейшем, в органах управления наукой и в научной среде будет усиливаться тенденция определять истину чисто административным путем. Еще одной формой иррационального мышления, ха-

ракторного для научных работников, был политико-экономический утопизм. Он проистекал из неадекватной оценки социальной действительности и опирался на такую социокультурную традицию, характерную черту мировосприятия, как вера в абсолютное добро, справедливость, идеальное политическое и экономическое устройство общества. Прежняя социальная самоидентификация в начале 1990-х гг. была потеряна значительной частью научных работников.

Вторым проявлением институционального кризиса научной деятельности конца 1970-х – начала 1990-х гг. был тип социальной коммуникации и утвердившиеся модели поведения научных работников. Как правило, наука представляет собой саморазвивающуюся систему, социальный организм, постоянно меняющий формы саморегуляции и ценности. Такая социальная система охватывает различные виды отношений: гносеологические, организационно-управленческие, социально-психологические, нравственные. Внутренняя социальность науки включает в себя как отношения между структурами разного типа (академические институты, университеты, технические вузы, исследовательские лаборатории и т.д.), так и, например, процесс согласований в цикле фундаментальные исследования, новые системы оценки научных результатов, а также неформальные межличностные отношения между научными работниками.

Однако важной особенностью развития советской науки было настойчивое регулирование ее динамики в соответствии с идеологическими и политическими целями. Советская наука как разновидность социокультурных отношений, постепенно заимствовала многие свойства существующей системы политического управления и правящего режима [1, с. 27]. Попытки ученых вернуться к дискуссии по проблемам генетики, по-новому подойти к разработке теоретических вопросов общественных наук, структурной лингвистики, к обобщению практики руководства народным хозяйством встретили противодействие со стороны ответственных партийных работников и секретарей ЦК КПСС. С другой стороны, значительная часть ученых предпринимает попытки решить дискуссионные вопросы с помощью писем-сигналов в партийные органы и реализует конформистскую модель поведения. Как правило, такие «жалобы» содержали требования «применить власть» к инакомыслящим ученым [4, с. 895]. Авантюрные способы определения истины, отказ от научных дискуссий, жесткое чиновничье почитание, выдвижение на руководящую работу в научные учреждения людей, не имеющих здесь авторитета, нанесло большой урон академической, вузовской и прикладной науке.

В начале 1990-х гг. научные работники демонстрировали большой запас прочности социокультурных ценностей. В их поведении переплетается и проявляется наследие разных исторических эпох. При этом ценностно-смысловое ядро культуры не распадалось. Оно внутри каждого человека

было сильно защищено эмоциональными реакциями, «нравственными чувствами». Менялись конкретные виды поведения и системы представлений (убеждения, идеология).

Необходимость в социокультурных преобразованиях науки была обусловлена постоянным ее взаимодействием с другими общественными институтами. При этом характер взаимодействия определялся, прежде всего, социальными отношениями. Только уменьшив иерархичность науки, сделав ее системой оптимально-автономного научного сообщества, лишенной административно-сословных перегородок изнутри, устранив перекосы в дисциплинарном развитии науки, можно надеяться получить науку, осуществляющую научные революции.

Социокультурные отношения в науке 1990-х годов были наследием прошедшей эпохи [5, с. 25–26]. С этим была связана слабая социальная активность ученых, в этом также проявлялась их социальная незащищенность. Видимо, кроме материальной заинтересованности ученым необходимы и позитивные социальные цели, а для новых технологий спрос. Не случайно процессы, происходящие в науке во второй половине 1990-х, уже определяют как «социальный метаморфоз» разрушающий все социальные структуры [7, с. 26].

На наш взгляд еще большее негативное влияние на науку оказывают неблагоприятная социально-нравственная ситуация в стране, безучастное или неодобрительное отношение к науке в больших социальных группах людей. Для формирования современной коммуникации внутри научного сообщества, а также науки и общества, необходима новая диалоговая практика. Прежде всего, ученым предстоит услышать друг друга и в этом главный урок прошлого.

Библиографический список

1. Балакин, В.С. Формирование научного интеллектуального потенциала Урала (1975–1985 гг.): проблемы и пути их решения / В.С. Балакин, П.А. Комлев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 27–31.
2. Дзарасов, С.С. Судьба политической экономии и ее советского классика / С.С. Дзарасов, С.М. Меньшиков, Г.Х. Попов. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 454 с.
3. Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / Отв. ред. А. А. Касьян. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 208 с.
4. Кременцов, Н.Л. Советская наука и «холодная война» / Н.Л. Кременцов // Наука и кризисы / Редактор-составитель Э.И. Колчинский. – СПб.: «Дмитрий Булавин», 2003. – С. 830–907.
5. Наука, образование, инновации: I всероссийская конференция 10–12 мая 2008 года / Сост. А.И. Ракитов и др. – М.: МГПУ, 2008. – 568 с.
6. Наука России. От настоящего к будущему / Под ред. В.С. Арутюнова и др. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 512 с.

7. Шноль, С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки / С.Э. Шноль. – 2-е изд. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. – 875 с.

8. Юдин, Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации / Б.Г. Юдин // Подвластная наука? Наука и советская власть / Сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Голос, 2010. – С. 103–138.